

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ КУЛЬТУР СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проблемы древних культурных связей между населением Сибири, с одной стороны, и Средней Азии, с другой, — предсталяют столь же обширное как и слабо разработанное поле широко открытое для исследователей различных специальностей: историков «чистой воды», пользующихся преимущественно письменными источниками и археологов, в распоряжении которых находятся преимущественно вещественные документы прошлого, а также этнографов, географов и в такой же степени искусствоведов, занятых, пожалуй, самой увлекательной работой — изучением памятников художественной культуры и эстетического наследия. Из историков первым культурные, политические и экономические связи между народами Средней Азии и Сибири обратил внимание автор «Сибирской истории» Г. Ф. Миллер. О его интересе к сибирско-среднеазиатским культурно-историческим контактам хорошо сказал в свое время в вводной статье к миллеровской «Истории Сибири» Сергей Владимирович Бахрушин, «История Сибири Миллер, — пишет Бахрушин, — вообще не мыслена вне истории Средней Азии в целом, и в этом отношении очень опередил свой век; можно сказать, что его пожелания в этой области далеко не осуществлены до сих пор. «История соседственных азиатских народов, — писал он, — (Миллер А. О.) и состояние сих земель, сколько обстоятельства позволяют, есть должность российского историописателя, потому что в нашей части севера еще мало о том известно»¹.

¹ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. См. Г. Ф. Миллер. «История Сибири». Т. 1. М.-Л., 1937, стр. 25.

Неоценимый вклад в изучение этой темы внесли впоследствии такие видные ученые как Н. Ф. Катанов, уроженец Сибири, крупнейший знаток языка и фольклора сибирских народов, как наш крупнейший этнограф Г. Н. Потанин и, наконец, лидер сибиреведения в области истории в наше советское время С. В. Бахрушин.

Так или иначе с этой проблемой сталкивались все исследователи, изучавшие историю Сибири, особенно Западной Сибири. Особо нужно отметить прекрасную работу О. Н. Вилва о тобольском рынке в XVII в., где дана новейшая и наиболее полная сводка документальных данных о торговых контактах, связывавших Сибирь и Среднюю Азию в то время, когда происходит процесс первоначального освоения природных богатств Сибири русским народом. В Ташкенте вышла, к сожалению, пока только на узбекском языке, превосходная монография Х. К. Зияева о связях между Сибирью и Средней Азией в XVI—XIX вв.

Во всех отмеченных выше работах речь идет, однако, о сравнительно коротком с общеисторической точки зрения промежутке времени. В них рассматриваются события каких-нибудь 200—300 лет. Это в полной мере объясняется состоянием источников: письменные документы могут быть использованы только-нибудь широко и систематически для этой темы лишь начиная с XVI—XVII вв. Несравненно глубже уходят в прошлое документы иного рода — вещественные, археологические памятники.

Однако в археологических исследованиях проблемы культурных связей Сибири и Средней Азии освещались лишь эпизодически, от случая к случаю, и исследователи обращались к ним не специально и не целеустремленно, а только под давлением фактов.

Возможно, здесь сказывалось и влияние некоторых глубоко укоренившихся традиционных взглядов, привычных тенденций. Одна из таких тенденций выражается в стремлении искать стимулы для культурного развития сибирских народов не на востоке, в странах высоких цивилизаций Восточной Юго-Восточной Азии, в мире древних земледельцев — создателей первых государств Востока. Конечно, было бы неправильно отрицать стимулы для культурного, экономического и политического развития народов Сибири, исходившие с Дальнего Востока Азии. Но еще более неправильно забывать тот факт, что сибирские народы соприкасались со многими другими народами и племенами глубокой древности, в том числе

обитавшими к югу, к западу и к северу от них. Более того, такие связи имели нередко исключительно важное и в полном смысле этого слова фундаментальное значение для истории культуры и даже этнических отношений в Сибири.

Чтобы убедиться в этом, начнем с самого отдаленного прошлого, с древнекаменного века — палеолита.

История палеолитического человечества еще только начинает раскрываться перед исследователями. Даже в наиболее широко и полно изученных областях земного шара в ней зияет множество пробелов. Но все же в нашем распоряжении есть немало твердо установленных и очень важных фактов, которые бросают яркий свет на древнейшие судьбы человечества в Северной Азии и соседних с ней областях нашего материка. Первый такой факт — существование в глубине Сибири, на Ангаре вблизи Байкала, памятников замечательной мальтинско-буретской культуры, с одной стороны, а, с другой — принципиально отличной от нее во многих отношениях другой культуры верхнего палеолита Сибири, которую можно было бы на Енисее назвать афонтовской, на Ангаре — культуры Верховенской горы, на Лене — шишкинской, на Селенге — ошурковской. Эта последняя культура, при всех ее мелких локальных подразделениях, в деталях далеко еще не выясненных, обладает поразительным общим единством в образе жизни, хозяйстве, а также каменном и костяном инвентаре.

Наиболее характерным элементом этой культуры в каменном веке, своего рода руководящим ископаемым, является так называемое сибирское палеолитическое скребло, т. е. крупный массивный инструмент с более или менее выпуклым рабочим лезвием. Эти вещи сразу же бросаются в глаза каждому, кто рассматривает вещевые комплексы таких памятников, как Верховенская Гора, Макарово, Шишкино, Афонтова Гора. В ряде случаев они составляют самую большую количественно часть всей коллекции каменных изделий, более половины или около того, как это, например, отмечается в Афонтовой Горе. Не менее характерна здесь относительная немногочисленность костяных изделий и примитивность их обработки, низкий уровень художественной культуры в целом.

Для мальтинско-буретской группы памятников, или иначе говоря культуры, напротив, характерно наличие сильно развитой индустрии мелких пластинчатых изделий, и в особенности богато представленной резной кости, высокого и даже изощренного искусства.

В связи с этим встает вопрос о происхождении этой кул-

туры. Первоначально исследователям больше всего бросились в глаза именно эти черты: мелкий пластинчатый инвентарь и богатое искусство. Наличие их привело к мысли, что истоки всей этой культуры следует искать далеко на западе, в верхнем палеолите Восточной, а может быть, и Западной Европы, от ориньяка до позднего мадлена включительно. Эта мысль о западных связях Мальты наиболее отчетливо выражена П. П. Ефименко сразу же после первой публикации великолепной мальтинской коллекции, а также положение об ориньякском облике каменного инвентаря этого замечательного поселения на Ангаре действительно имеет серьезные основания. Женские статуэтки, повторяющие в своей основе изображения женщин, традиционные для палеолитического искусства ориньякско-перигордъенского времени на Западе, пластины с боковыми выемками, скребки килевидной формы— все это находит аналогии в ориньякских памятниках Западной Европы.

Но положение в целом значительно усложняется тем, что наряду с отмеченными и западными элементами в инвентаре и технических приемах обработки камня в Мальте и Бурети обнаруживаются и такие черты, которые чужды классическим памятникам палеолита приледниковой зоны Европы. Таковы, прежде всего, крупные, массивные и тяжелые, рубящие орудия, изготовленные из целых галек. Уже отсюда ясно, что в сложении культуры типа Мальты и Бурети принимали участие различные по происхождению компоненты.

Сложность общей картины еще более увеличивается тем, что в инвентаре Мальты и Бурети, в мелком их инвентаре и среди нуклевидных изделий имеются некоторые специфические формы, которые свойственны в большей мере югу Средиземноморья и Передней Азии, чем Северу Европы. Эти вещи можно было бы назвать ориньякскими, если бы распространение их ограничивалось Западной Европой. Но, в действительности, оно гораздо шире.

Таковы, например, своеобразные нуклевидные инструменты из Мальты и Бурети в виде полудисков, а иногда и дисков. Это — массивные изделия, один край которых дугобразно выпуклый и оформлен сходящимися на конусе широкими параллельными фасетками, а противоположный нередко сохраняет исходную валунную корку. Нижняя плоская сторона их обычно затесана плоскими широкими сколами, расположенными в одном направлении, поперек выпуклого лезвия. У полудисков обычно имеется отчетливо выраженная спинка, как

бы рукоять, тоже оформленная сколами или, реже, с галечной коркой исходного желвака. В ряде случаев они представляют собой в исходном виде нуклеус, прототипы которого можно искать в характерных галечных нуклеусах с пяткой. Представленные в различных частных вариациях, они могли по функции служить как рубящими орудиями, так и скребками. В последнем случае они могут быть сближены с обычными для ориньякских и родственных им памятников скребками «высокой формы».

Немного на свою резко выраженную вариабельность по форме. все эти вещи в целом образуют одну большую группу и должны быть выделены особо в инвентаре палеолитических памятников, так же, например, как резцы или проколки, на правах равноценной таксономической единицы большого порядка, которая расчленяется в свою очередь на более мелкие частные подгруппы или типы (табл. 1, 2).

Что касается их распространения, то эти своеобразные полудиски и диски Мальты и Бурети входят в огромную по ее географическому распространению серию нуклевидных изделий, появляющихся в самом начале верхнего палеолита в пещерах Иудеи, в ориньяке Западной Европы, в верхнем палеолите Кавказа, Передней Азии, и, наконец, у нас — в Средней Азии. Такие нуклевидные орудия обширной серией представлены в замечательном поселении — мастерской близ Красноводска, на 41 километре. Здесь они находятся в сочетании с четко выраженными мустьерскими элементами, в том числе дисковидными нуклеусами. Точно также работами С. Н. Замятина было установлено одинаковое сочетание этих нуклевидных орудий с вещами мустьерской техники в ранней группе верхнепалеолитических памятников Имеретии.

Совершенно новым и неожиданным событием явилось открытие вещей такого рода, но еще более архаических по типу, в палеолите Центрального Казахстана. Возможно, в Центральном Казахстане работами Х. Алпысбаева удалось обнаружить один из древнейших локальных центров развития такой техники и нуклевидных орудий такого типа, которые, таким образом, имеют местные корни. Не менее замечательным открытием В. А. Рановым в Южном Таджикистане, на возвышенности Кара-Бура нуклевидных орудий из целых галечных чопперов, сочетающихся с типично мустьерским каменным инвентарем, в том числе с превосходными мустьерскими остроконечниками. И, наконец, нельзя пройти мимо еще дв

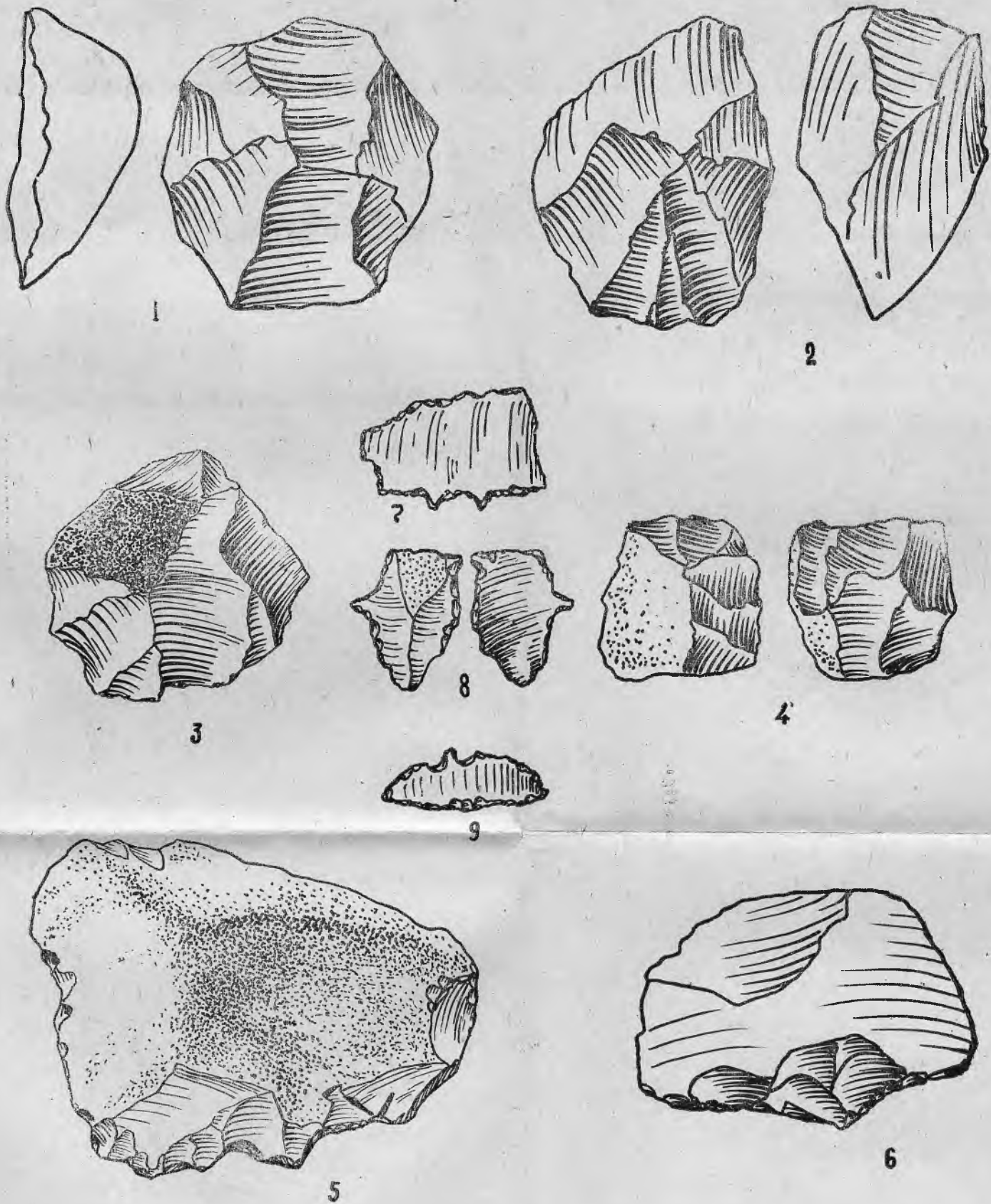

Таблица первая. Рис. 1—4 — полулуники. Рис. 5—9 — выемча то-шипастые орудия, скребла и проколки. 1 — Гушт-сай, долина Ангрена; 2 — Мальта; 3 — Буреть; 4 — Ачинская стоянка; 5 — Старокузнецк; 6 — Сопка Урожайная, Алтай; 7, 8, 9 — Байндзак («Шабарак-усу», Монголия).

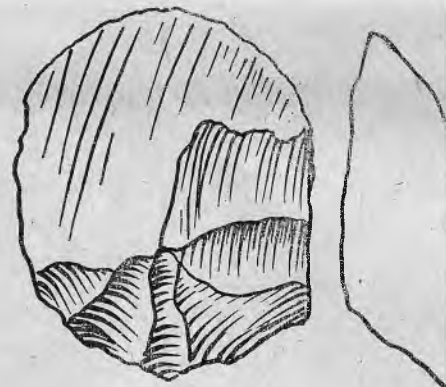
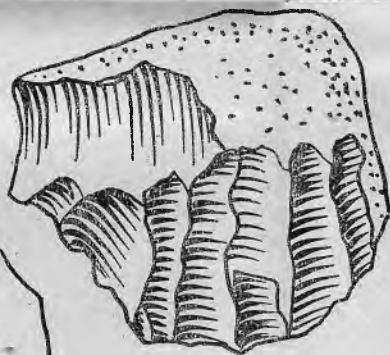
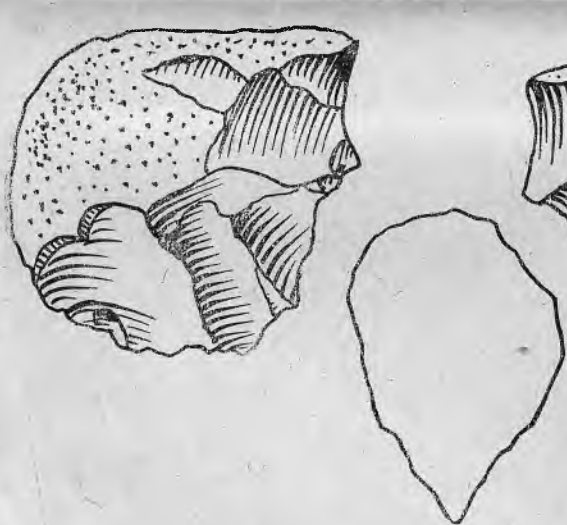
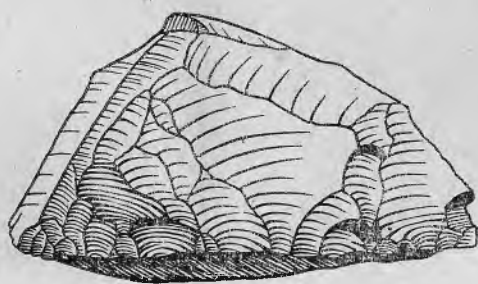
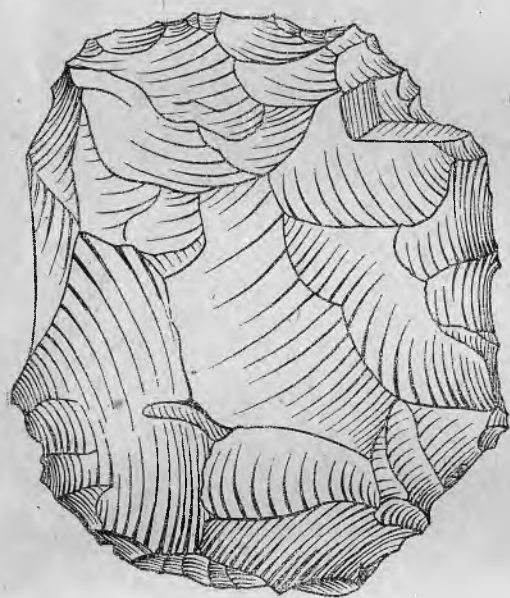
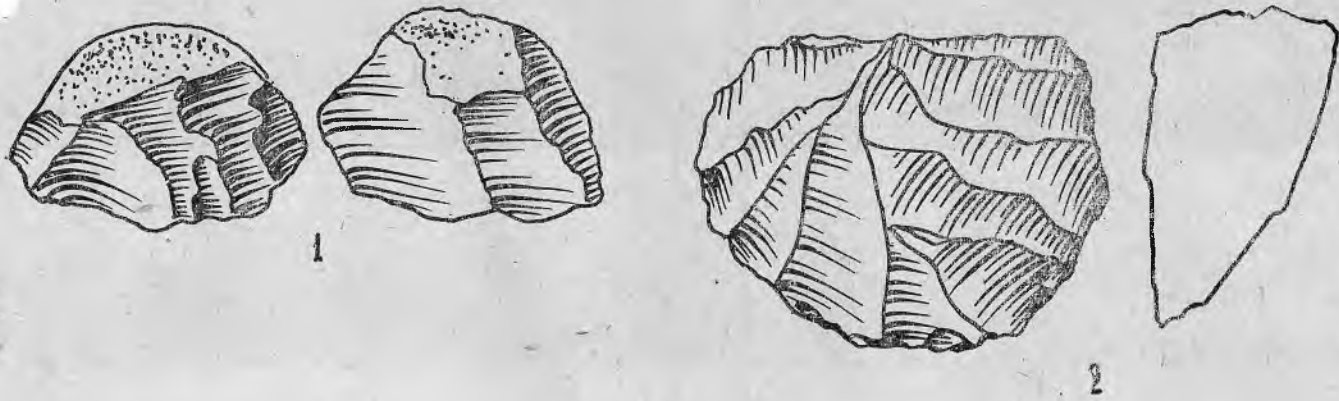

Таблица вторая. Рис. 1—5—полудиски. 1—Ачинская стоянка; 2—Мальта; 3—стоянка Талицкого, Урал; 4—5—Самаркандская стоянка.

олитических памятников Средней Азии. Это палеолитическое местонахождение в районе Ангрена (Гушт-сай, на р. Кил-Алма) и широко известная Самаркандская палеолитическая стоянка.

В Ангрене вместе с миниатюрным кремневым наконечником мустьерского типа оказались характерные полудиски — нуклевидные изделия из кремня, поразительно близкие к нуклевидным полудискам Мальты и Бурети.

Еще богаче количественно кремневый инвентарь Самаркандской стоянки. В числе важнейших руководящих форм для всех горизонтов этого многослойного поселения должны быть в первую очередь отмечены три элемента. Первый такой элемент — нуклевидные орудия типа полудисков, обыкновенно, миниатюрные по размерам. Второй такой элемент — кремневая пластина с четко выраженными и оформленными мелкой тщательной крутой ретушью боковыми выемками (табл. 3). Третий элемент каменного инвентаря Самаркандской палеолитической стоянки — крупные орудия из кусков окаменелого дерева и сланца, с широкими выпуклыми лезвиями. Эти последние изделия входят в круг чопперов и особенно близки они к Аньятским чопперам Юго-Восточной Азии.

Уже при первом ознакомлении с замечательными находками Д. Н. Лева на Самаркандской стоянке в моей памяти всплыло что-то очень близкое и знакомое. Где-то я уже видел и эти пластины с выемками, и нуклевидные орудия полудисковидной формы, и крупные рубящие орудия в виде чопперов! И, на самом деле, весь этот комплекс каменных изделий в таком же сочетании повторяется в Мальте и Бурети, где к нему, однако, прибавляется весь богатейший набор резной художественной кости.

Таким образом, как в солнечном спектре, в инвентаре этих древних палеолитических поселений Сибири обнаруживается еще один элемент. На этот раз — элемент южного происхождения. Если резная кость Мальты и Бурети входит в основной фонд элементов западно-европейского и восточно-европейского происхождения, в тот круг особенностей, которые характерны для культур оседлых арктических охотников европейского приледникового палеолита, то здесь мы видим связи, которые ведут нас, с одной стороны, на восток (чопперы), а с другой стороны, далеко на юг в бассейн Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, и еще дальше по направлению к южному Средиземноморью, в область тех культур, которые раньше назывались «капсийскими».

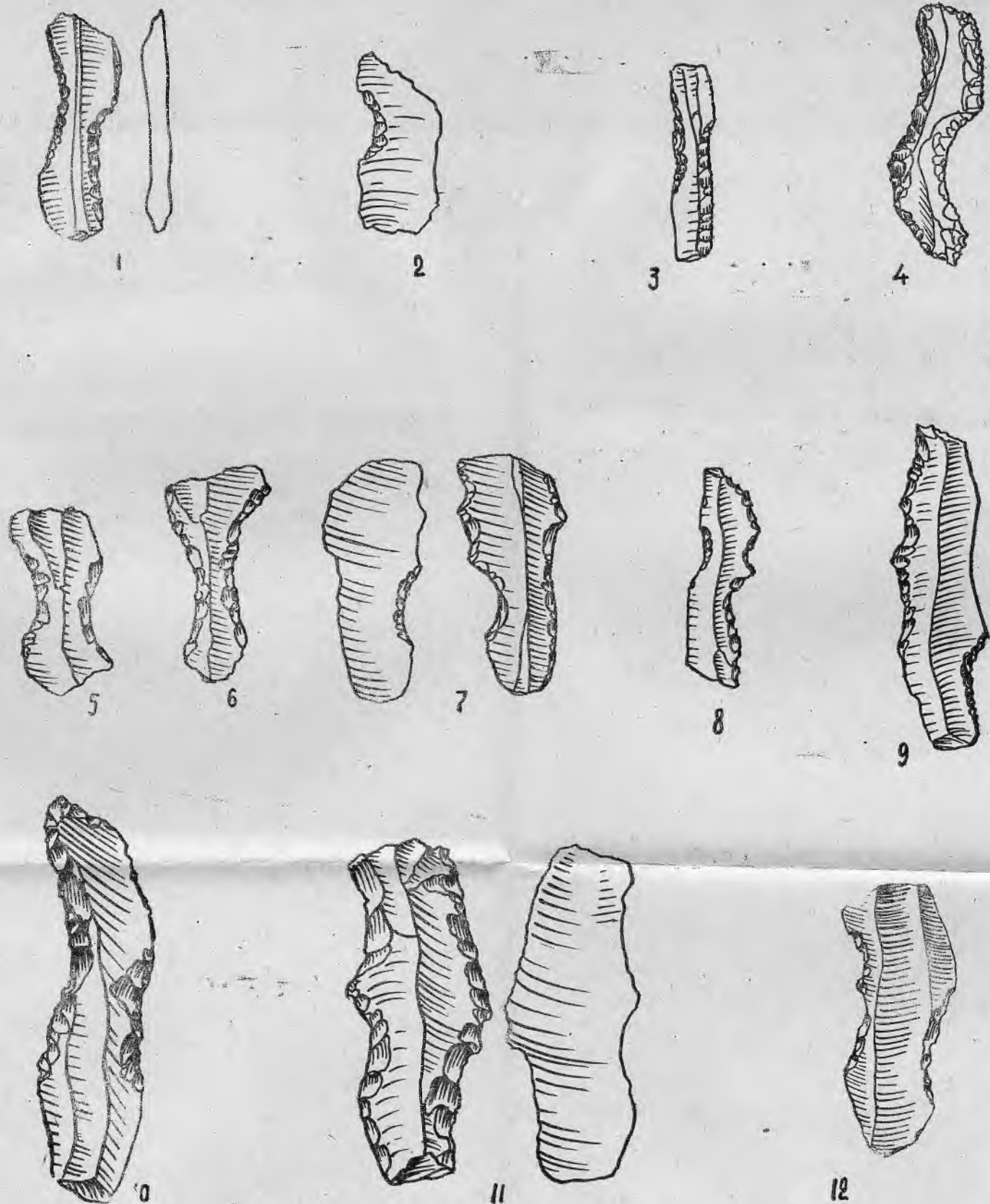

Таблица третья. Рис. 1—12 — пластины с выемками. 1 — Джебел; 2, 5—7, 9 — Ачинская стоянка; 3 — бухта Будун (оз. Байкал), Ориньякская культура, Западная Европа; 10—11 — Мальта; 12 — Самаркандская стоянка.

Так причудливо сплелись на берегах Ангары различные по происхождению культуры, из которых и возникла мальтинско-буретская культура верхнего палеолита Приангарья. Может встать, конечно, вполне естественный вопрос — не слишком ли велик пространственный разрыв между среднеазиатскими палеолитическими памятниками и ангарской группой, Мальтой и Буретью? И не сказывается ли в этом сходство каменного инвентаря, которое их объединяет простое совпадение, конвергенция (конвергенцией, как известно, хотел объяснить в свое время М. Г. Левин совпадения в инвентаре Мальты и Бурети, с одной стороны, палеолитических поселений Европы, с другой?). Очень важное, принципиальное значение с этой точки зрения имеет вновь открытое палеолитическое поселение в Ачинске. На Ачинской стоянке обнаружен обширный, но вместе с тем, очень выдержанный в типологическом отношении каменный инвентарь.

Среди найденных здесь каменных изделий четко выделяется, прежде всего, группа оббитых галек типа чопперов, с массивным и крутым лезвием обычно более или менее выпуклым и подправленным вдоль края мелкой тщательной ретушью. Это — чопперы-скребла, односторонне обработанные. Противоположный их лезвию конец изделия остается нетронутым обработкой.

Вторая группа каменных изделий в Ачинске — нуклевидные или скребловидные изделия типа полудисков, аналогичные найденным в Бурети, в Мальте, в Самаркандской стоянке и в других близких к ней памятниках ранней поры верхнего палеолита Средней Азии.

Третью группу каменных изделий в Ачинской палеолитической стоянке составляют мелкие пластинчатые изделия в виде пластин с выемками. Такие пластины сильно варьируют и отличаются здесь большим разнообразием. Среди них есть пластины с выемками по одному краю и пластины с выемками вдоль обеих лезвий. В ряде случаев, выемки, соседние друг с другом, разделены острыми выступами-зубцами. Техника оформления выемок на этих пластинах совершенно такая же, как на пластинах из палеолита и мезолита Средней Азии: ретушь на них крутая, почти вертикальная, а сам рабочий край как бы «рваный» и «занозистый».

Таким образом, все три основные группы каменных изделий Ачинской стоянки обнаруживают ближайшие параллели в инвентаре среднеазиатских верхнепалеолитических стоянок и ангарских поселений мальтинскобуретской группы. Отсю-

да следует, что Ачинская стоянка в настоящее время служит связующим звеном между теми и другими, что она заполняет территориальный разрыв между ними. Это позволяет с еще большей уверенностью говорить о тесных культурных и, следовательно, этнических связях между палеолитическим населением Восточной и Западной Сибири и одновременным населением Средней Азии, а также, очевидно, и более отдаленных стран Азии.

В свете новых данных можно вернуться и к дискуссии о взаимоотношениях верхнепалеолитических поселений Сибири мальтинскобуретского цикла, с одной стороны, и широко известной стоянкой Талицкого на Урале, с другой. В инвентаре этого поселения имеются в достаточном количестве пластинчатые изделия, в том числе пластины с боковыми выемками, а вместе с ними полудиски мальтинского типа. Это в известной мере оправдывает отнесение стоянки Талицкого к ареалу «сибирской позднепалеолитической культуры», на чем настаивает О. Н. Бадер.

Но тут же следует подчеркнуть, что речь должна идти не о сибирском палеолите вообще, а только лишь о мальтинскобуретской группе памятников сибирского палеолита. В целом же стоянка Талицкого на Урале является свидетельством того, что культурные контакты палеолитической Сибири со Средней Азией, а через нее и с более отдельными странами Кавказа, Ирана и Ближнего Востока могли осуществляться широким фронтом, включая Прикамье и соседние области Урала.

Иная судьба была у той культуры, которая до сих пор носила в нашей литературе название поздне-палеолитической. Эта культура представлена на Енисее памятниками типа Афонтовой Горы, Кокоревских стоянок, на Ангаре Верхоленской Горой, на Селенге — поселением у деревни Ошурково, на Лене — стоянками у деревни Шишкино и Макарово. На Алтае: Усть-Канская пещера, Сростки, Урожайная. В настоящее время уже нет уверенности, что все памятники этой культуры позже Мальты и Бурети. Основанием для их датировки до сих пор было отсутствие в фауне этих поселений костей волосатого сибирского носорога, который, как полагал В. И. Громов, вымер раньше мамонта, но еще жил во время существования палеолитических поселений в Мальте и в Бурети. Не исключено, что обе культуры на обширных, пустынных в то время, территориях Сибири существовали одновременно, параллельно друг с другом. Во всяком случае,

для Афонтовой горы и для группы Кокоревских стоянок на Енисее радиоуглеродным способом получены достаточно ранние даты — в пределах 19—14 тыс. лет.

Для памятников этого цикла характерны наряду с галечными нуклеусами и чопперовидными орудиями нуклеусы особого рода — леваллуазского облика, предназначенные для скалывания длинных и широких пластин, часто двуплощадочные. Пластины снятые с таких нуклеусов тоже естественным образом сближаются с типично леваллуазскими изделиями: они, обычно, длинные, треугольные с относительно правильными параллельными гранями на спинке. Нередки в таких комплексах и остроконечники, близкие по очертаниям и технике оформления к мустьерским.

Во всем этом можно видеть следы весьма древней азиатской традиции, еще более отчетливо представленной в многочисленных палеолитических местонахождениях Монголии, где столь же устойчиво сочетаются приемы галечной техники с леваллуазскими способами расщепления камня.

И, наконец, общий источник всех этих приемов можно видеть в самых ранних, известных нам теперь мустьерско-леваллуазских местонахождениях Средней Азии. Правда, в таком классическом для Средней Азии поселении мустьерского времени как грот Тешик-Таш найдено всего два изделия типа чоппингов, но зато в Кара-Буре галечная техника представлена в расцвете наряду с чисто мустьерской. Возможно также, что уже в мустьерское время среднепалеолитические культуры Средней Азии и Сибири развивались в тесной связи, на общем широком основании и под влиянием двух культурных традиций более ранней эпохи: ранней леваллуазской на юге и столь же древней, автохтонной на севере и на востоке, галечной.

Рано возникнув, обе культуры продолжали существовать, видимо, и в более позднее время, сохраняя традиции, унаследованные от древнейших этапов своего развития. Большой интерес в этом отношении представляют для истории мальтинско-буретской культуры поселения, обнаруженные в местности Красный Яр на Ангаре, вблизи Балаганска, ныне покрытые водами Братского моря. Выраженно пластинчатый инвентарь этих поселений во многом сходен с мальтинским, хотя в нем обнаруживается и принципиально новый типологический компонент — изделия в виде нуклеусов-скребков сибирского типа или «гобийские» нуклеусы.

Еще интереснее совпадения с инвентарем Мальты и Бурети

в каменном инвентаре многослойного поселения в устье реки Белой. При просмотре обширной коллекции каменных изделий отсюда я мог увидеть ряд предметов, складывающихся в целые устойчивые серии, которые представляют прямое продолжение традиций Мальты и Бурети. Сюда относятся, прежде всего, полудиски, затем нуклеусы леваллуазских форм. Целиком укладывается в мальтинские нормы и основной массовый материал поселения в устье Белой — широкие, плоские, с неправильными гранями на спинке пластины. В ранних слоях Усть-Белой совершенно отсутствуют настоящие мезолитические и неолитические пластины правильной огранки, как нет там, и подлинно призматических нуклеусов, с площадкой перпендикулярной длинной оси нуклеуса. Не менее интересно наличие в таких относительно поздних памятниках каменного века, как Бирюсинские стоянки на Енисее (в верхних их слоях, предшествующих развитому неолиту) массы чопперов, т. е. частично оббитых галек с выпуклым рубящим лезвием на одном конце и рукоятью, покрытой гладкой галечной коркой — на другом. Нечто подобное отмечается и в Монголии, на ряде поселений в долине Орхона, Толы и даже в районе озера Орок-Нор. Галечная древняя традиция доживает здесь, следовательно, вплоть до начала неолитического времени, так же как мальтинско-буретская в устье Белой.

Особый интерес для древнейшей культурной истории Сибири представляет далее древнее поселение в устье речки Куюм на Алтае, где первые систематические раскопки были предприняты Г. П. Сосновским. Как оказалось, в верхних слоях этого интереснейшего поселения наблюдается прогрессирующее измельчание, своего рода «микролитизация» каменных изделий, нередко поражающих своими малыми размерами — скребочков, проколов, острий. Характернейшей чертой этих находок является, далее, наличие характерной зубцеватой выемчатой техники. Такие выемки и зубцы видны на различных инструментах, в виде скребков и острий. Такая же тенденция к образованию рабочего лезвия с выемками и зубчиками видна и в материалах многих поселений на территории Западной Монголии. Следы той же тенденции с полной ясностью обнаруживаются, как это ни неожиданно, и в неолите Южной Гоби, в частности, на материалах знаменитого поселения, вернее целой серии поселений в местности Баиндзак (Шабарак-усу американских исследователей).

Чтобы вскрыть корни этой технической традиции, следует

обратиться к таким весьма ранним памятникам палеолита Средней Азии, как колоссальная мастерская — каменоломня Капчигай в Фергане. Там среди множества образцов обработанного человеком кремня выделяется обширная группа отщепов и пластин с характерными выемками и зубцами. В целом, находки на Капчигае обнаруживают весьма архаические признаки культуры «зубчатого мустье». Отсюда из культуры «зубчатого мустье», очевидно, и идут самые ранние истоки той техники, которую мы видим в Куюме, в «мезолите» Монголии и в неолите Шабарак-Усу.

Эти связи снова ведут нас, таким образом, в Среднюю Азию. Проблема среднеазиатских культурных связей столь же остро встает перед нами не только в области изучения истоков неолитических культур Сибири, но и в плане их контактов с другими культурами этого времени.

Одним из важнейших индикаторов таких контактов представляют пластинчатые наконечники с боковой выемкой, оформленные характерным способом краевой ретушью только на кончиках, на острие и в основании. Как эта техника изготовления подобных наконечников, так и их форма являются резко специфическими. Они сразу же выделяются в материале наконечников и их нельзя спутать ни с чем другим. Можно сказать, что они столь же своеобразны в нашем сибирском материале неолитических культур, как, скажем, фолзомские наконечники с желобком в Америке (табл. 4).

Уже при первой попытке выделения типологически разделенных форм неолитического инвентаря Восточной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья, предпринятой в 30-е гг. Г. Ф. Дебецом, он наткнулся на такие наконечники и выделил их среди всех других в особую группу. Затем внимание к ним было привлечено находками в двух замечательных погребениях на Ангаре, в пади Хиньской и в пади Частые, которыми по моему мнению, начинается вся серия древнейших погребений Приангарья эпохи неолита. Двум этим погребениям в общей культурно-хронологической схеме принадлежит место между концом палеолита-мезолита или эпипалеолита Восточной Сибири и собственно — неолитом. Тогда же была высказана мысль не только о типологическом, но и генетическом родстве таких наконечников с аналогичными наконечниками Средней Азии, где они выступают массово и в более развитых формах, целыми сериями, начиная с самого раннего такого изделия из пещеры Джебел и кончая позднейшими

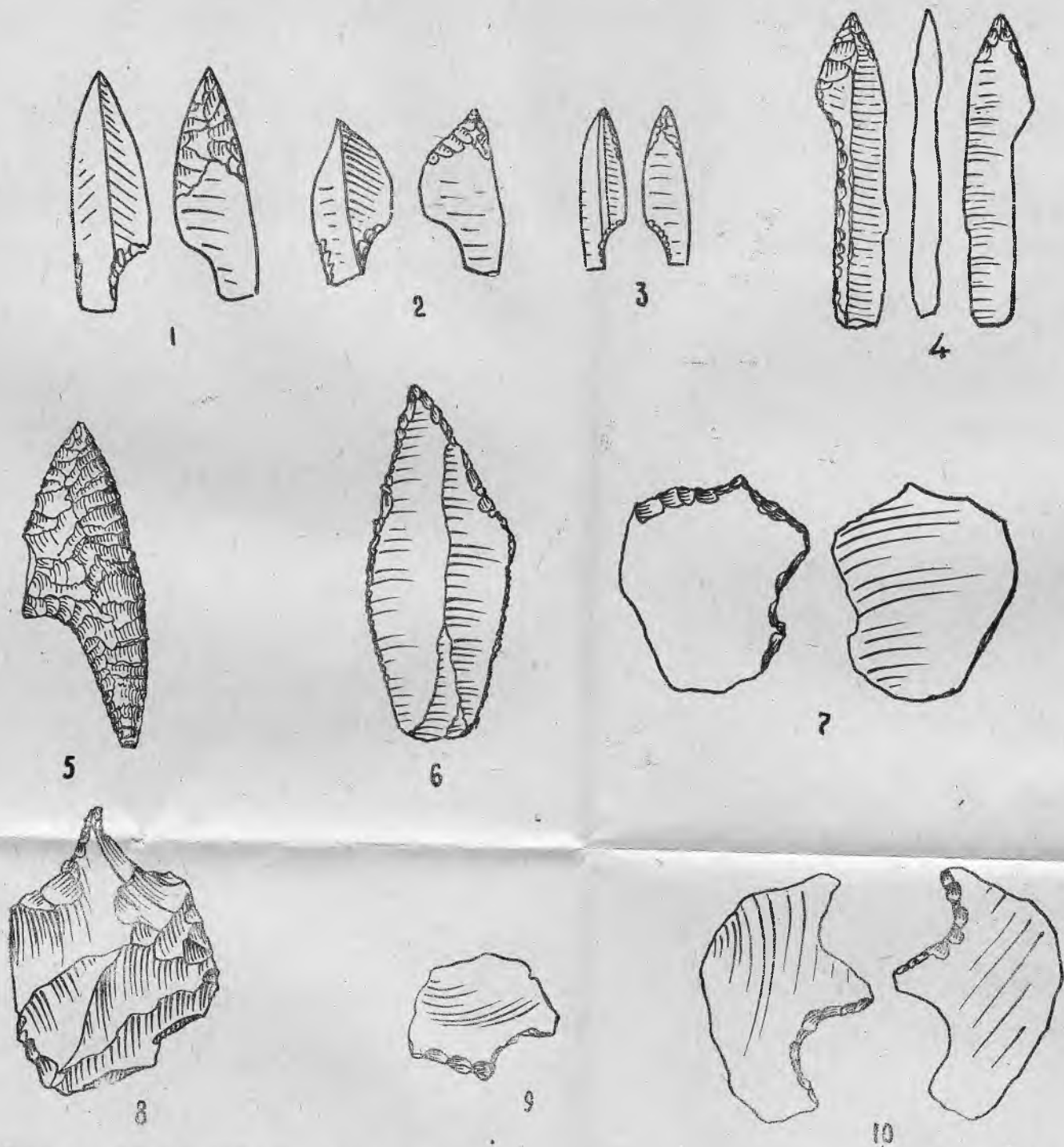

Таблица четвертая. Рис. 1—4—острия пластинчатые с боковой выемкой. Рис. 5—неолитический наконечник с боковой выемкой. Рис. 6, 8—острие и проколка мальтинского типа, изготовленные из пласти. Рис. 7, 9, 10—орудия с шипами и выемками; 1—3—наконечники пластинчатые с боковой выемкой из Забайкалья; 4—Джебел, Средняя Азия; 5—Падь Калашникова (Ангара); 6, 8—Мальта; 7—Самаркандская стоянка; 9—Капчигай (Фергана, Средняя Азия); 10—Ачинская стоянка.

как бы дегенерирующими, представленными в поздне-кельтеминарских поселениях. Эта мысль остается до сих пор непоколебленной, хотя на промежуточном пространстве между Забайкальем и Приангарьем, с одной стороны, и Казахстаном, где найдены самые северные памятники кельтеминарского типа, лежит огромное «пустое пространство», где пока нет таких находок. Однако такие пластинчатые наконечники характерны для весьма ранних, как установил В. Н. Чернецов, неолитических поселений на Урале и в Западной Сибири, а также близкие по технике оформления неолитические наконечники известны неожиданно далеко на Севере. И, кроме того, один такой наконечник обнаружен в материалах случайных сборов на Енисее, выше Красноярска.

Для истории типологического развития этих наконечников и дальнейшего продолжения этих технических традиций очень интересны некоторые особенности чисто неолитических наконечников Прибайкалья, которые в полной мере обнаруживают признаки зрелой неолитической техники или даже техники оформления каменных наконечников стрел, характеризующей культуру энеолита и бронзы. Это уже не односторонне-ретушированные как раньше, мезолитические по возрасту или типу наконечники, а двусторонне обработанные сплошной, нередко струйчатой ретушью высокого совершенства. И тем не менее, как мне уже приходилось не раз отмечать, наследием старых пластинчатых наконечников мезолита, начиная с исаковского и кончая серовским, служат неолитические наконечники с асимметричными жальцами в основании. Одно, более длинное, жальце их явно представляет своего рода дань старой традиции. Есть в Прибайкалье и еще более наглядные примеры этой традиции. Таков, например, один крупный наконечник из неолитического поселения в пади Калашниковой на Урале, обработанный мелкой сплошной ретушью с обеих сторон. У него обычное для исаковского-серовских наконечников длинное жальце превращено в настоящий черешок-насад, сбоку имеется выемка, как у древних мезолитического облика наконечников. Такие же двусторонне ретушированные наконечники с боковой выемкой и черешком-жальцем встречаются и в других неолитических поселениях Прибайкалья.

Мысль о генетических связях этих наконечников с наконечниками Средней Азии подкрепляется и вторым, еще более важным для установления культурно-этнических контактов моментом — керамикой. На Урале широко представлена родственная или даже прямо аналогичная кельтеминарской ке-

рамика с гребенчато-струйчатым узором в виде характерных волнистых линий, прочерченных палочной и специфической схемой расположения орнаментальной композиции. Керамика эта прослеживается широко и в Западной Сибири, а последние на Востоке ее образцы обнаружены на Енисее, у Красноярска и выше.

Таким образом, именно здесь, на границе Восточной и Западной Сибири проходила грань между Востоком и Западом, между Югом и Севером. Сюда достигали и последние вполне ощутимые отголоски великих культур каменного века Средней Азии. И отсюда, скорее всего, начиналось дальнейшее продвижение культурно-технической традиции, представленной в наконечниках с боковой выемкой.

Разумеется, те культурно-исторические связи Сибири Средней Азии, которые начинаются в эпоху верхнего, а может быть, и среднего палеолита, а затем продолжают существовать в неолите, не прерывались и позже. Они могут быть прослежены в бронзовом веке, начиная с афанасьевской и окуневской культуры и, еще более определенно, в андроновское время.

Эпоха бронзы отмечена грандиозной экспансией андроновской культуры: от Аму-Дарьи до Урала и далее на восток — до Енисея. Как бы ни рассматривать сложный вопрос о происхождении этой культуры, ясно, что она захватывала Среднюю Азию и всю Западную половину Сибири вплоть до Енисея. История культурных связей этого времени между Средней Азией и Сибирью пока еще не написана, но это столь же огромное, как и привлекательное поле для дальнейших исследований.

По-новому ориентируется сейчас и направление ведущих культурных связей в карасукское время. Конечно, нельзя отрицать широкие дальневосточные и центрально-азиатские связи карасукской культуры, прежде всего, с культурой памятников точных могил Забайкалья и Монголии, а также с древними культурами эпохи бронзы и раннего железа в Маньчжуре. Эта тема еще ждет более глубокой и основательной разработки. Но не менее значительны и западные связи карасуков и их культуры: об этом свидетельствуют данные антропологии и археологические памятники, в том числе недавно обнаруженный, удивительный могильник Тагискен, о чем уже упоминал писавший в своих работах М. П. Грязнов, лучший в мире знаток сибирской бронзы.

Эпоха бронзы и раннего железа отмечена далее такими замечательными памятниками культур древних сибирских

мен, как тагарские курганы и пазырыкские погребения на старе. И те, и другие одинаково выразительно рассказывают о живых контактах и более того о прямой общности исторических судеб, которые связывали саков и скифов Средней Азии с древними степными и даже лесными народами Сибири. Во всяком случае, более чем вероятно, что массагеты, саки и великие юэчжи восточных источников строили пазырыкские курганы, а вместе с тем связывали с Сибирью далекую Бактрию.

Вторжение гуннов и связанные с ним катастрофические события, охватившие как степной пожар всю Евроазию, от Балтики до Адриатики, не могли не отразиться на ходе дальнейших их событий. Но уже в последующее тюркское время, когда подвижная масса тюркских племен служила связующим звеном между Востоком и Западом, эти тюркские племена вновь объединяют Сибирь со Средней Азией. Едва ли не самым замечательным памятником культурных контактов того времени явилось замечательное поселение оседлых земледельцев, вероятнее всего, согдийского происхождения, на реке Унге у Балаганска. Оказавшиеся здесь, в древней земле сарматов — курыканов, почитатели крылатого быка, были носителями высокой земледельческой культуры средневекового Востока. К этому времени относятся связи кыргызов на Енисее с племенами Средней Азии, а также первое подробное известие о путях в Сибирь и монгольские степи, сохранившееся в сочинениях арабо-язычных и ирано-язычных писателей Средней Азии. Отзвуками этой поры оживленных торговых и культурных сношений служат фольклорные сведения и сюжеты о легендарном богатстве Сартактае у алтайцев и даже введенные в среду позднейших бурят целые роды, носившие наименование сартских — «сартулы». Отсюда уже «рукой подать» до бухарских купцов и караванов, посещавших Иркутск и долину Иркутка в конце XVII в., до бухарских купцов и земледельцев того же времени в Тобольске и Омске.

Таким образом, на протяжении тысячелетий между Сибирью и центром древней высокой цивилизации Средней Азии существовали живые плодотворные связи. История — общее дело ученых Сибири и Средней Азии. Она, эта история, явится существенным вкладом в изучение культурных, политических и экономических связей между народами Средней Азии и Сибири, в исследование корней исторически складывавшейся дружбы между народами СССР.